

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

УДК 94(438)

Ю. В. Костяшов

КАМПАНИЯ ПО ПЕРЕИМЕНОВАНИЮ В ВАРМИИ И МАЗУРАХ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

13

На основе документов, материалов прессы и исследований польских авторов рассматриваются проблемы смены немецкой топонимики в ходе кампании по переименованию в Вармии и Мазурах в первые послевоенные годы. Выясняются исторические предпосылки, условия и принципы изменения названий населенных пунктов, природных объектов, а также улиц и площадей; анализируются практические проблемы, возникшие в ходе кампании по переименованию. Делается вывод о существенных отличительных особенностях этого процесса в Польше и СССР, обусловленных различиями в историческом опыте двух стран и разными подходами к решению задачи «присвоения» пространства бывшей Восточной Пруссии властями и общественностью Мазурского округа (Ольштынского воеводства) Польши и Калининградской области РСФСР.

Using documents, the press, and studies of Polish scholars, this article analyses the problem of changing German toponyms during the remaining campaign in Warmia and Masuria in the early postwar years. The historical background, conditions, and principles of renaming settlements, natural objects, streets, and squares are identified and the practical problems of the renaming campaign are analysed. It is concluded that these processes were quite dissimilar in Poland and the USSR, which is explained by different historical pasts and different approaches to solving the problem of 'appropriating' the space of former East Prussia by the authorities and communities of the Masurian district of the Olsztyn voivodeship in Poland and the Kaliningrad region in the RSFSR.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Вармия и Мазуры, Калининградская область, топонимика, переименование, полонизация, политика памяти.

Key words: East Prussia, Warmia and Masuria, Kaliningrad region, toponyms, renaming, Polonisation, politics of memory.

Тема смены в послевоенные годы немецких топонимов в Калининградской области довольно хорошо изучена [1–6], однако до сих пор на русском языке нет ни одной публикации о том, как аналогичная

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945–2015 гг.)».

кампания проходила в Польше, которой по итогам войны досталось две трети территории бывшей Восточной Пруссии. Между тем условия и принципы изменения географических названий в польской версии существенно отличались от советских, что определялось как несхожестью исторических предпосылок и традиций, так и различиями в подходах новых властей к этой чрезвычайно важной и чувствительной области политики памяти.

Настоящая статья подготовлена на основе документов, материалов прессы, мемуаров, топонимических справочников и исследований польских историков. Ее цель — представить очерк кампании по переименованию населенных пунктов, физико-географических объектов, улиц и площадей, которая была осуществлена на территории Вармии и Мазур (южной части Восточной Пруссии) в первые послевоенные годы.

Отличительными чертами топонимии Вармии и Мазур на протяжении многих веков были крайняя неустойчивость и почти непрерывные трансформации, связанные с многочисленными колонизационными волнами, изменением государственной принадлежности этих земель и сменой проживавших на них этносов. Самые древние названия, отразившиеся в письменных источниках, несомненно, относились к балто-славянской общности, позднее они дифференцировались по мере формирования в этом регионе старопрусских и польских племен [9, s. 419; 11, s. 195; 34, s. 182]. С началом немецкой колонизации Юго-Восточной Прибалтики и утверждением здесь в XIII в. Тевтонского ордена началась интенсивная германизация существовавших географических названий или замена их новыми [11, s. 196, 210]. В период вхождения части этих земель в состав Польского королевства в XV—XVIII вв. часть топонимов подверглась полонизации, а вслед за разделами Речи Посполитой последовала новая волна германизации [10, s. 523; 16, s. 199]. В результате в Восточной Пруссии названия прусского, старославянского, польского, литовского и немецкого происхождения на протяжении веков сосуществовали и взаимно влияли друг на друга. Часто названия одновременно принадлежали к двум или даже трем языковым системам (прусской, польской и немецкой).

С течением времени многие первичные топонимы «оказались покрыты толстым слоем германских напластований» [24, s. 3]. В межвоенный период, особенно после прихода к власти Гитлера, в самой восточной германской провинции была объявлена настоящая война польским и литовским названиям. Так, в Ольштынском округе заменили 488 ненемецких названий, а в Гумбинненском — около двух третей; после войны планировалось окончательно разделаться и с остатками названий прусского происхождения [9, s. 425; 23, s. 137]. По словам польского ономаста Л. Кохутека, «ни одна из польских земель, которая оказалась захвачена немцами, не имела столь германизированных географических названий, как Восточная Пруссия» [19, s. 5].

Еще одной особенностью местной топонимии было то, что в Восточной Пруссии вплоть до 1945 г. параллельно с официальными немецкими функционировали и польские названия населенных пунктов и природных объектов, которые либо сохранились с доорденских времен, либо представляли собой адаптацию немецких топонимов путем

различных комбинаций транслитерации, транскрипции и перевода (Allenstein — Olsztyn, Elbing — Elbląg, Guttstadt — Dobre Miasto, Braunschweig — Braniewo, Pillau — Piława, Stallupönen — Stołupiany и т.п.). Многие из них были зафиксированы в знаменитом 15-томном «Географическом словаре Королевства Польского и других славянских стран», изданном в Варшаве в 1880–1902 гг. [37]. Еще одним ценным источником информации о польских названиях Вармии и Мазур стал труд историка В. Кентшиньского (1838–1918) «Польские названия населенных пунктов Западной и Восточной Пруссии и Поморья» (1879). Для его составления помимо большого числа печатных изданий автор использовал архивные материалы и устную традицию. Между прочим, в отношении Кёнигсберга Кентшиньский наряду со всем известным Крулевцем приводит и второй вариант польского названия столицы провинции — Królowgród [18, s. 220].

Накануне и в годы Второй мировой войны руководство Союза поляков в Германии приняло тайное решение о создании «Лексикона польскости в Германии», в котором намеревалось запечатлеть национальные исторические названия, памятники и другие следы польской культуры, в том числе в Вармии и Мазурах. Этот документ должен был быть представлен на рассмотрение послевоенной мирной конференции для подтверждения польских прав на эти земли (при этом учитывался опыт Парижской конференции 1919 г. по итогам Первой мировой войны). Тогда напечатать книгу не удалось, однако единственный сохранившийся экземпляр «Лексикона» был издан в ПНР в 1973 г. [26, s. 92–93]. План реполонизации Вармии и Мазур в 1944 г. был разработан деятелями польского движения Сопротивления, связанными с правительством в эмиграции. В мемориале под названием «Проблема полонизации польского населения», автором которого считают С. Сроковско-го, бывшего в 1920–1921 гг. генеральным консулом Польши в Кёнигсберге, одной из важнейших задач в послевоенный период провозглашалось «осуществление на территории Прусской Мазовии² и Повислься в максимально короткие сроки полонизации названий всех сел, местечек, улиц и т.д.» [33, s. 101]. Все эти факты свидетельствуют о том, что еще до решения Потсдамской конференции 1945 г. о передаче южной части Восточной Пруссии Польше смена немецкой топонимики рассматривалась как одна из первейших и важнейших задач будущих властей по освоению и интеграции вновь приобретенных земель в состав польского государства.

Послевоенная политика памяти новой польской администрации в Вармии и Мазурах, как и на прочих «воссоединенных», или «возвращенных», то есть входивших до 1939 г. в состав Третьего рейха землях, основывалась на аксиоме об их исконной принадлежности Польше. Об этом со всей определенностью говорилось 9–10 августа 1945 г. в передовой статье газеты «Ведомости Мазурске» с многозначительным заго-

² Мазовия (польск. Mazowsze) — историческая область в центральной и северо-восточной частях Польши по среднему течению р. Вислы, расположена преимущественно в современном Мазовецком воеводстве, примыкающем на севере к Вармии и Мазурам.

ловком «Конец Восточной Пруссии»: «Сегодня понятие “Восточная Пруссия” уходит в прошлое, а в границы польского государства возвращается большой кусок земли, который вместе с Гданьским округом составляет естественную часть нашего экономического и геополитического организма» [20].

Первая практическая проблема, с которой столкнулись центральные польские власти, была связана с необходимостью определиться с названием региона. В течение нескольких месяцев среди чиновников администрации, ученых и краеведов продолжалась дискуссия на этот счет. Предлагались самые разные варианты: Мазурское Поморье, Мазовецкое Приморье, Мазурское Поозерье, Мазурско-Варминьская земля, Мазурское воеводство и пр. В кругах интеллигенции и ученых склонялись к сохранению исторического названия Пруссия, возможно с добавлением определения Польская или Мазовецкая. Однако последний вариант был неприемлем по политическим соображениям, поскольку Пруссия воспринималась как символ национального угнетения поляков [23, s. 129].

По свидетельству польской писательницы и активистки национального движения в Вармии Э. Сукертовой-Бедровины, вскоре после создания первого польского правительства несколько известных мазуров отправились в Люблин и встретились с председателем Б. Берутом с целью заинтересовать его мазурской проблематикой. Вот почему бывшая Восточная Пруссия первоначально получила официальное название Мазурский округ, хотя его центр находился в Ольштыне — столице Вармии [39, s. 268]. В 1946 г. в Варшаве решили дать вновь присоединенным землям нейтральные названия по имени главных городов, в том числе было образовано Ольштынское воеводство, а в качестве его синонима использовалось неофициальное название Вармия и Мазуры. Любопытно, что с 1990-х гг. в Польше название Пруссия вновь используется среди историков, краеведов, в информационно-туристической сфере, правда в форме Боруссия или Прутения как свидетельство мультикультурности этой земли [22, s. 43—44].

Однако гораздо больший объем работы предстояло проделать по тотальной смене всей немецкой топонимики, при этом всегда подчеркивалось, что речь идет не о переименовании, а о восстановлении «исконных» польских названий. Местные газеты нередко публиковали письма читателей с требованиями ускорить этот процесс. Так, «Ведомости Мазурске» в сентябре 1945 г. сообщали: «Прибывающим в Ольштын со стороны Варшавы бросается в глаза большая надпись “Allenstein West” (“Алленштайн-Западный”. — Ю. К.). Пассажиры громко комментируют эту надпись. Над главной кассой висит табличка “Rauchen verboten” (“Курить запрещено”. — Ю. К.). Эта надпись, напечатанная большими буквами, бросается в глаза каждому подходящему к кассе». Автор заметки призывал власти немедленно «разнемечить» всю трассу на въезде в город [49].

В другом номере газета требовала «вернуть польское звучание наименованиям огромного количества сел и небольших местечек», с тем чтобы «покончить с ненавистными остатками немецкой неволи», «над выговором которых мы ломаем себе язык» [35]. «Ведомости» регулярно

писали о необходимости решительно бороться с «вражескими названиями», «изгнать прусский дух», «устранить последние следы немецкой заразы», «смыть с лица земли всю пакость неметчины» и т.п. [44; 48; 50]. Ни на день не прекращалась борьба с немецкими надписями, которые сначала (в период «национального энтузиазма») приходилось по нескольку раз закрашивать известью, так как ее смывал дождь. Газета «Жиче Ольштынске» призывала подхватить почин жителей Бранево, «сбивавших надписи с помощью долота и молотка», то есть воспользоваться верным способом, который «не подведет» [8].

Первоначально процесс переименования носил стихийный характер и никем не координировался. Названия меняли по своему усмотрению воевода, рады народовы, бурмистры, директора крупных предприятий, сами граждане, устанавливавшие названия, известные им по устной традиции или посредством более или менее дословного перевода с немецкого. В этих условиях нередко были случаи, когда в обиходе и в официальной документации наряду со старыми немецкими использовались по два и более новых названия или, например, присваивались разные имена поселку и находящейся в нем железнодорожной станции. С другой стороны, бывало, что одно и то же название закреплялось за несколькими населенными пунктами [22, s. 45; 41, s. 539; 42, s. 87; 47, s. 63]. Жалобы жителей на «уродства топонимики», балаган и разнობой, царившие в названиях поселений, постоянно публиковались в местной прессе [45].

Вместе с тем о необходимости навести порядок в этой сфере власти и общественность заговорили буквально в первые недели после окончания войны. В сентябре 1945 г. в Щецине состоялся Первый ономастический съезд, на котором были разработаны пять базовых принципов полонизации названий географических объектов на воссоединенных землях:

1. В качестве основы для внедрения новой топонимики следует опираться на упомянутый ранее «Географический словарь Королевства Польского и других славянских стран», а также использовать другие письменные источники.

2. Если в источниках встречается несколько форм польского названия одного и того же поселения, следует отдавать предпочтение той, которая более всего соответствует современному польскому языку.

3. Нецелесообразно переводить немецкие названия на польский язык.

4. С целью предупреждения разночтений вместе с основным названием следует утвердить и его производные формы (прилагательное и название жителей).

5. Если не обнаружено исконное польское название, можно задействовать старославянское название ближайшего населенного пункта или природного объекта, а в крайнем случае позаимствовать название из тех земель, откуда прибыли переселенцы [23, s. 136].

В дальнейшем эти принципы видоизменялись и дополнялись. В частности, возобладало мнение, что ценными являются также и древнепрусские топонимы, с которых надо лишь «соскоблить немецкий на-

лет», так как поляки всегда с сочувствием относились к судьбе этого истребленного немцами балтийского народа. Правда, старые прусские названия также подлежали обязательной полонизации [22, s. 54].

Осенью 1945 г. в Управлении полномочного представителя правительства в Мазурском округе Якуба Правина была создана особая комиссия, в чье ведение отдавалось право устанавливать новые названия и куда поступали предложения с мест. Затем этим стали заниматься в канцелярии ольштынского воеводы Зигмунта Робеля. Работа проводилась в сотрудничестве с Мазурским институтом, созданным в Ольштыне учеными и общественными деятелями из числа местной (автохтонной) польско-мазурской интеллигенции. Согласованные на уровне округа новые названия направлялись в Варшаву (в Министерство общественной администрации и Министерство возвращенных земель) и после утверждения публиковались в «Польском мониторе», а затем перепечатывались в местном «Мазурском дзеннике ужендовом» [23, s. 142; 41, s. 540—541].

В январе 1946 г. при Министерстве общественной администрации была учреждена Комиссия по установлению названий населенных пунктов и физико-географических объектов, в состав которой вошли историки, слависты, географы, а также представители ряда министерств; председателем стал дипломат и географ С. Сроковский. Комиссии предстояло заменить на всех воссоединенных землях около 20 тыс. названий населенных пунктов и 10 тыс. — природных объектов. В первую очередь предполагалось переименовать поселения с числом жителей свыше 5 тыс. человек, затем более 2 тыс. и т.д. Комиссия рассматривала поступившие с мест предложения, осуществляла их экспертизу, при этом не всегда учитывалось мнение региональных специалистов. К ее работе не были, в частности, привлечены сотрудники Мазурского института в Ольштыне как учреждения, «неизвестного научному миру». На первом заседании удалось утвердить только 220 названий. Принятые Комиссией решения часто вызывали жалобы, упреки в том, что ее члены «не слышат голосов с мест», игнорируют пожелания живущих там людей [22, s. 50—51; 41, s. 541, 543, 546].

Большим подспорьем в кампании по переименованию были словари и справочники, опубликованные видными представителями польской науки и краеведами-любителями. Первым в этом ряду стал «Словарь названий местностей Мазурского Поморья, называемого Восточной Пруссией», изданный уже в 1945 г. д-ром Людвиком Кохутеком и включавший 5908 топонимов. Автор в течение всей войны, веря в то, что после разгрома фашизма Восточная Пруссия станет польской, собирал сведения о топонимике края, используя географические словари, старые карты, хроники и другие документы (всего он называет 33 источника) с целью выявления первичных польских названий [19, s. 3—8]. В 1946 г. сотрудник Западного института в Познани Владислав Хойнацкий напечатал «Словарь польских названий местностей в бывшей Восточной Пруссии» [13].

В следующем году деятель польского национального движения в Восточной Пруссии Густав Лейдинг-Мелецкий, сотрудничавший с Мазурским институтом, выпустил в Ольштыне «Словарь географиче-

ских названий Мазурского округа». Изданная позже вторая часть работы включала названия природных объектов (озер, рек, гор, лесов, болот и пр.) [25]. В предисловии к словарю порицалось невнимание Центра к мнению жителей Вармии и Мазур и утверждалось, что «в деле установления названий на территории бывшей Восточной Пруссии должен звучать и голос представителей этой земли». Автор также настаивал, что при определении новых названий следует использовать топонимы, не только извлеченные из письменных источников, но и «услышанные из уст местных польских жителей» [24, s. 5].

Наконец, в 1951 г. по результатам работы Комиссии, которая существовала до декабря 1950 г., в Варшаве вышел полный «Указатель географических названий Ольштынского воеводства», подготовленный сотрудниками местных органов власти [17]³. Как справедливо заметила И. Левандовская, все эти издания являлись свидетельством того, что процесс переименования не только был организованной сверху властями кампанией в русле антинемецкой идеологии, но и отражал настроения и потребности, существовавшие в самом польском обществе [22, s. 58].

В своей работе варшавская Комиссия по установлению названий столкнулась с тем, что разработанные Первым съездом ономастов принципы переименования не решали все возникающие проблемы. Для Вармии и Мазур главной из них было отсутствие старых польских топонимов для большого числа объектов. В таких случаях Комиссия руководствовалась следующими положениями: присваивать название по исчезнувшему, но находившемуся в прошлом поблизости поселению или другому объекту с польским (старославянским) названием либо утверждать новые названия, стихийно введенные в обиход переселенцами или местной администрацией в первые послевоенные месяцы. Хотя члены Комиссии всегда как мантру повторяли заповедь «Избегать перевода немецких названий», на деле в ряде случаев этот путь оказывался наиболее предпочтительным. Чтобы предотвратить упреки в преклонении перед неметчиной, было установлено, что запрет на перевод не касается тех ситуаций, когда «аналогия допускается в связи с обоснованием по содержанию либо топографически» [38, s. 97; 41, s. 542], то есть когда в названии населенного пункта отражаются какие-либо характерные черты, особенности ландшафта или другие свойства, описывающие место его расположения. С другой стороны, в Восточной Пруссии имелось много топонимов с очевидными немецкими корнями, которые, однако, в течение нескольких веков существовали в полонизированной форме. В таких случаях Комиссия считала своим долгом, как минимум, избавиться от типично немецких окончаний на *-bork*, *-wald*, *-pork*, сделав лишь несколько исключений (Мальборк, Фромборк). Сохранение других полонизированных немецких названий (Ольштын, Оструда, Лидзбарк и пр.) оправдывалось их изначальным прусским происхождением и давней традицией употребления [41, s. 544].

³ Для сравнения: первый справочник «Населенные пункты Калининградской области» появился у нас лишь в 1976 г. под грифом «Для служебного пользования» [7].

Помимо научных, формально-лингвистических, Комиссия руководствовалась и соображениями идеологического, национально-государственного характера. Часть относительно крупных населенных пунктов, как правило центров повятов, было решено назвать в честь заслуженных людей, деятелей польского национального движения в Восточной Пруссии или каким-то образом связанных с историей региона. Так, город Лётцен, в августе 1945 г. получивший название Лучаны, марте 1946 г. был переименован во второй раз в Гижицко в честь мазурского пастора, литератора и издателя Густава Гизевиуша (Гижицкого) [31]. Город Растенбург, сначала стал называться Растемборком (другой вариант предусматривал более глубокую колонизацию — Рашчибож), но затем Комиссия присвоила ему название Кентшин, поскольку в этом городе учился историк, известный борец с германизацией Войцех Кентшинский. «Ведомости Мазурске» по этому поводу опубликовали заметку, в которой говорилось, что нельзя просто повторять: «Был Растемборк, а сегодня — Кентшин, и баста!» — надо объяснять людям значение и роль тех героев-поляков, именами которых названы города и поселки в Вармии и Мазурах [36].

В кругах интеллигенции и в прессе живо обсуждались предложения о переименовании Фромборка как места вечного упокоения знаменитого автора гелиоцентрической системы в Коперниково, а Вартенбурга — в Нововейск в память о родившемся здесь композиторе Феликсе Нововейском. Комиссия, однако, эти инициативы с мест отклонила, Фромборк сохранил историческое название, а Вартенбург был переименован в Барчево [32]. Некоторые ученые и публицисты считали, что называть населенные пункты по именам людей — это вообще немецкий обычай. В качестве примера приводились нацистские практики переименований в честь Гинденбурга, Гитлера, других вождей Третьего рейха, которые, как указывалось, полякам не следует копировать [22, s. 57]. Тем не менее еще ряду поселений были даны «именные» названия. Среди них г. Пененжно (в честь издателя «Ольштынской газеты» Северина Пененжны), ныне хорошо известный у нас в связи с печальной судьбой памятника советскому генералу И. Д. Черняховскому, г. Мронгово — в память об ученом Кшиштофе Мронговиуше и др. Свою метку на карте Вармии и Мазур получил и председатель Комиссии по установлению названий С. Сроковский: после его смерти в 1950 г. члены Комиссии почтили его память, присвоив селу Дрифорт (Дренгфурт) новое имя Сроково, хотя бывший дипломат не имел никаких связей с этим поселением [22, s. 2–53; 40, s. 60].

Процесс переименования населенных пунктов и природных объектов в Вармии и Мазурах занял почти пять лет и был в основном завершен к концу 1950 г. При этом нет никаких оснований считать, что действия польских властей каким-то образом направлялись или координировались со стороны СССР. За весь этот период в местной прессе появились только две публикации, касавшиеся советского опыта в этой сфере. В июле 1946 г. «Ведомости Мазурске» изложили переданное ТАСС постановление Совета министров СССР об увековечении имени умершего М. И. Калинина в заметке под названием «Нет больше Крулевца, есть Калининград» [29; 30]. И в декабре того же года в статье «В старом

гнезде пруссачества. Калининградская область начала новую жизнь» [46] рассказывалось об изгнании немецкой топонимики из советской части бывшей Восточной Пруссии.

Параллельно со сменой названий городов и сел началась кампания по переименованию улиц и площадей. В Ольштыне первой, еще до окончания войны, была переименована ул. Кайзерштрассе в ул. Маршала Юзефа Сталина, о чем уполномоченный правительства по Мазурскому округу Я. Правин рапортовал в телеграмме генералиссимусу: «Поляки Мазурского округа никогда не забудут, что своей свободой и возвращением на Родину после 700-летней неволи они обязаны героическим войскам победоносной Красной армии под вашим командованием. В знак нашей глубокой благодарности мы назвали центральную улицу города Ольштына, самого сердца поверженного Вами пруссачества, Вашим именем» [41, s. 545].

Уже в первой половине мая 1945 г. Я. Правин разослал местным органам власти директиву с требованием избавиться от «всех следов немецчины», в том числе сбить немецкие надписи и заменить таблички с названиями улиц и площадей⁴. В первую очередь предполагалось дать новые имена магистральным улицам и главным площадям и заменить названия в честь нацистских главарей. Так, в Ольштыне Адольф-Гитлер-плац был назван площадью Свободы, в Эльблонге такое же название получила площадь Германа Геринга и т. д. [12, s. 52–53; 15, s. 175].

В кампании по смене городской топонимии большую роль играла общественность, в частности интеллигенция, объединенная вокруг Мазурского института, в рамках которого была создана Комиссия по переименованию улиц [39, s. 268]. Уже в июле 1945 г. была предложена концепция замены старых названий, которая базировалась на следующих принципах: опираться на исторические традиции; учитывать, что идущие со Средневековья названия улиц были связаны с ремесленно-цеховой и церковно-приходской жизнью и лишены какой-либо националистической окраски; сохранять названия, которые помогают ориентироваться в городском пространстве с учетом рельефа местности, длины и конфигурации улиц, их направления (Длинная, Узкая, Кривая, Варшавская, Замковая); решать эмоционально-воспитательные задачи, давая названия в честь святых, польских монархов, заслуженных личностей, в память об исторических событиях [22, s. 60–61].

Позже, в апреле 1947 г., Министерство возвращенных земель направило на места директиву, согласно которой при изменении названий улиц и площадей следует придерживаться следующих принципов: «а) существующие названия улиц, указывающие на направление движения и объясняющие их назначение (например, Варшавская, ведущая

⁴ Смена уличных табличек первоначально осуществлялась еще комендатурами Красной армии. В воспоминаниях очевидцев сохранились свидетельства, что в некоторых городах в апреле — мае 1945 г. появились таблички с новыми названиями улиц на русском и немецком языках. Последнее объяснялось тем, что в это время население в основном состояло из немцев, немецкоговорящих поляков и красноармейцев. Так, в Оструде центральная улица была названа в честь Красной армии и снабжена указателями на русском и немецком языке: «Strasse der Roten Armee» [23, s. 135].

в Варшаву, Быдгощская, ведущая в Быдгощ, и т. д.), оставить без изменения, а вновь образующимся улицам этого типа давать подобные же названия; б) исторические названия улиц и площадей, свидетельствующие о прошлом данного населенного пункта, не должны изменяться (например, улицы Злотничая, Татарская); в) в других случаях для обозначения улиц и площадей следует использовать имена ушедших из жизни национальных героев, выдающихся ученых, художников и писателей, а также ушедших из жизни людей, имеющих особые заслуги для данной местности; г) в названиях улиц или площадей не могут использоваться имена живущих людей; д) названия улиц и площадей должны быть написаны только на польском языке» [27].

Порядок замены старых названий улиц был следующим. Все предложения поступали в созданные при радах народных (так назывались местные органы власти) культурно-просветительные комиссии, которые осуществляли экспертизу, в том числе с привлечением историков, лингвистов, географов и краеведов. Подготовленные ими проекты решений затем утверждались на заседаниях рад народных.

На практике в процессе переименований было немало неразберихи, дублирования, некоторые улицы меняли свои названия по два или три раза. Так, в Ольштыне Коперникус-плац сначала стал площадью им. Коперника, но потом получил название площади Красной армии, так как здесь был установлен Памятник благодарности советским воинам; улицу Большевикскую, видимо по причине недовольства жителей, назвали в честь писателя Болеслава Пруса [28]. Центральным властям не нравилось большое количество названий в честь местных деятелей в ущерб общенациональному пантеону героев. Об этом же писала газета «Ведомости Мазурске»: «Многие жители Ольштына с удивлением читают имена, которые появились на уличных табличках, так как часто они им совершенно не известны». В частности, имелась в виду улица, названная в честь польского ученого, выпускника Альбертины К. Мронговиуша [21].

В конце концов в августе 1947 г. Ольштынская городская рада народа вынуждена была принять решение о введении моратория на переименования сроком на один год, так как «в последнее время слишком частые переименования улиц было причиной хаоса и дезориентации жителей города». И хотя «много улиц еще не имели названий», решение приняли единогласно [43].

Впоследствии под влиянием различных событий и поворотов в исторической политике польского государства (главными вехами на этом пути можно считать 1956 и 1989 гг.) наименования улиц и площадей в населенных пунктах Вармии и Мазур менялись довольно существенно, так что из данных в первые послевоенные годы названий до сегодняшнего дня сохранились далеко не все.

На первый взгляд, содержание политики памяти в российской и польской частях бывшей Восточной Пруссии основывалось на общей идеологической установке по изгнанию «немецтины» и «прусского духа». Однако в практической реализации этого общего курса обнаруживаются существенные отличия подходов и методов, что особенно заметно на примере послевоенных кампаний по переименованию. В Ка-

лининградской области, где «исторические» русские эквиваленты немецких названий почти полностью отсутствовали, все топонимы пришлось придумывать заново. Кампания по переименованию осуществлялась у нас во многом стихийно, без какой-либо общественной и научной дискуссии и без должного участия специалистов (историков, лингвистов, географов). В результате при отсутствии квалифицированной экспертизы на карте области появилось много одинаковых, невыразительных и идеологически окрашенных названий. В Польше в этот процесс оказалась вовлечена широкая научная общественность в лице ряда академических институтов и сообществ экспертов, которые разработали разумные принципы смены («реполонизации») немецких названий, руководствуясь задачей сохранения всей той ценной информации, которую содержат в себе естественно возникшие, исторически сложившиеся топонимы.

Список источников и литературы

1. Бродерзен П. «Позови меня тихо по имени...»: Кампания переименований в Калининградской области в 1946–1950 гг. // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград, 2005. С. 201–210.
2. Губин А. Б. Топонимика Калининграда. Реки и водоемы // Калининградские архивы. Калининград, 2007. Вып. 7. С. 197–228.
3. Губин А. Б. Топонимия Калининграда // Там же. 2003. Вып. 5. С. 139–196.
4. Криворуцкая И. Е. Кампания переименований 1946–1947 годов // Там же. 1998. Вып. 1. С. 90–106.
5. Маслов В. Н. Создание Кёнигсбергской области и ее переименование в 1946 г. // Там же. 2014. Вып. 11. С. 99–109.
6. Маслов В. Н. Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. №12. С. 58–69.
7. Населенные пункты Калининградской области: Краткий справочник / сост. Н. Е. Макаренко, Э. М. Медведева. Калининград, 1975.
8. *Bierzmy przykład z Braniewa: Usuńmy ślady niemieczyny* // *Życie Olsztynskie*. 1947. 7 lipca. S. 8.
9. *Biolik M. Nazwy terenowe Warmii i Mazur jako świadectwo historii regionu* // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 2004. №4. S. 419–426.
10. *Biolik M. Pomorskie monografie toponomastyczne* // *Ibid.* 1987. №3–4. S. 521–526.
11. *Biolik M. Pruskie nazwy zaginione z terenu byłego powiatu ostródzkiego* // *Ibid.* 1981. №2–4. S. 195–211.
12. *Biolik M. Typy semantyczne współczesnych nazw ulic i placów Olsztyna* // *Ibid.* 1982. №1–2. S. 51–61.
13. *Chojnacki W. Słownik polskich nazw miejscowości w b. Prusach Wschodnich i na obszarze b. Wolnego Miasta Gdańska według stanu z 1941 r.* Poznań, 1946.
14. *Dziwołagi nazewnictwa* // *Życie Olsztynskie*. 1947. 6 sierpnia.
15. *Engler W. Planowość i przypadek w nazewnictwie ulic Elbląga* // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 2008. №2. S. 169–180.
16. *Górniewicz H. Rodowe nazwy miejscowe Mazur i Warmii* // *Ibid.* 1965. №2. S. 197–228.
17. *Grabowski Z., Jarmoc A. Skorowidz nazw miejscowości województwa olsztyńskiego w brzmieniu nadanym przez Komisję Ustalania Nazw Miejscowości*. Warszawa, 1951.

18. *Kętrzyński W.* Nazwy miejscowe polskie Prus Zachodnich, Wschodnich i Pomorza wraz z przezwiskami niemieckimi. Lwów, 1879.
19. *Kohutek L.* Słownik nazw miejscowych Pomorza Mazurskiego zwanego Prusami Wschodnimi. Cieszyn, 1945.
20. *Koniec "Prus Wschodnich" // Wiadomości Mazurskie.* 1945. 9–10 sierpnia. S. 1.
21. *Krzysztof Celestyn Mrongowiusz // Wiadomości Mazurskie.* 1946. 19 marca. S. 3.
22. *Lewandowska I.* Oswajanie poniemieckiej przestrzeni nazewniczej na Warmii i Mazurach po II wojnie światowej // *Nazwa dokumentem przeszłości regionu.* Wrocław, 2010. S. 35–64.
23. *Lewandowska I.* Trudne dziedzictwo ziemi. Warmia i Mazury 1945–1989. Olsztyn, 2012.
24. *Leyding-Mielecki G.* Słownik nazw miejscowych okręgu mazurskiego. Olsztyn, 1947. Cz. 1.
25. *Leyding-Mielecki G.* Słownik nazw miejscowych okręgu mazurskiego. Poznań, 1959. Cz. 2.
26. *Łukaszewicz B.* Leksykon polactwa w Niemczech // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie.* 1974. №1. S. 92–96.
27. *Nazwy ulic i placów publicznych: Doniosły okólnik Ministerstwa Ziemi Odzyskanych w sprawie nazewnictwa // Wiadomości Mazurskie.* 1947. 29 kwietnia. S. 2.
28. *Nazwy ulic Olsztyna ostatecznie ustalone // Wiadomości Mazurskie.* 1946. 4 sierpnia. S. 3.
29. *Nazwy ulic Olsztyna ostatecznie ustalone // Ibid.* 1947. 5 lutego. S. 3.
30. *Niema już Królewca, jest Kaliningrad // Ibid.* 1946. 2 lipca. S. 3.
31. *Nowe nazwy miejscowości w województwie Olsztynskim // Ibid.* 5 czerwca. S. 3.
32. *Nowy słownik miejscowości: województwa Olsztyńskiego // Ibid.* 23 maja. S. 3.
33. *Pasierb B.* Przyczynek do problemu repolonizacji Warmii i Mazur // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie.* 1989. №1–4. S. 85–103.
34. *Powierski J.* Najdawniejsze nazwy etniczne z terenu Prus i niektórych obszarów sąsiednich // *Ibid.* 1965. №2. S. 161–183.
35. *Przywróćmy miejscowościom polskie nazwy // Wiadomości Mazurskie.* 1946. 11 stycznia. S. 3.
36. *Rastembork jest Kętrzynem // Ibid.* 8 października. S. 3.
37. *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich.* Warszawa, 1880–1902. T. 1–15.
38. *Sobczak E.* Onomastyka regionalna // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie.* 2008. №1. S. 90–98.
39. *Sukertowa-Biedrawina E.* Dawno a niedawno. Wspomnienia. Olsztyn, 1965.
40. *Szostakowska M.* Stanisław Srokowski (1872–1950). Polityk, dyplomata, geograf, Olsztyn, 1999.
41. *Tomkiewicz R.* O działalności Komisji Ustalania Nazw Miejscowych i Obiektów Fizjograficznych na terenie Warmii i Mazur // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie.* 2004. №4. S. 539–547.
42. *Tomkiewicz R.* Życie codzienne mieszkańców powojennego Olsztyna, 1945–1956. Olsztyn, 2003.
43. *Ulice nie będą przemianowywane // Życie Olsztyńskie.* 1947. 23 sierpnia. S. 7.
44. *Usunąć ostatnie siedliska zarazy niemieckiej na Mazurach // Wiadomości Mazurskie.* 1946. 15 maja. S. 4.
45. *Używamy nowych nazw miejscowości w województwie Olsztynskim // Ibid.* 6 lipca. S. 3.
46. *W dawnym gnieździe prusactwa. Okręg kaliningradzki rozpoczął nowe życie // Ibid.* 28 grudnia. S. 4.

47. *Wagińska-Marzec M.* Jak zmieniano nazwy miejscowości na Warmii i Mazurach po 1945 roku // *Wspólne dziedzictwo? Ze studiów nad stosunkiem do spuścizny kulturowej na Ziemiach Zachodnich i Północnych.* Poznań, 2000. S. 59–110.
48. *Z życia okręgu* // *Wiadomości Mazurskie.* 1945. 4–5 października. S. 2.
49. *Z życia okręgu* // *Ibid.* 8–9 września. S. 1.
50. *Zmywamy pakost niemczyzny* // *Ibid.* 1946. 31 grudnia. S. 5.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов – д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: kostyashov@gmail.com

About the author

Prof. Yuri V. Kostyashov, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: kostyashov@gmail.com

25

УДК 947. 8 (470.26)

В. Н. Маслов

ОБРАЗ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КАЛИНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА» СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ¹

На основе анализа праздничных выпусков газеты «Калининградская правда» определяется частота использования смысловых конструкций, которые могут считаться официальным образом Калининградской области. Исследовано содержание 17 специфических характеристик региона, рассмотрены изменения в их использовании в 1946 – 1991 гг.

Based on an analysis of holiday issues of the Kaliningradskaya Pravda newspaper, this article determines the frequency of semantic structures constituting the official image of the Kaliningrad region. Seventeen distinguishing features of the region are considered alongside changes in their usage in 1946 – 1991.

Ключевые слова: Калининградская область, образ региона, печать.

Key words: Kaliningrad region, image of the region, press.

Различия между регионами среди прочего закрепляются в представлениях о конкретных территориях. Устойчивые характеристики административных единиц формируются как внутри региона, так и за его пределами, продолжительность их использования может быть более

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945–2015 гг.)».